

И. Р. ЛАВРЕЦКИЙ

**ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ
ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ ***

Часть вторая

НА ПУТИ К «ЛА-МОНЕДЕ»

ТРУДНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

В 1946 г. стране предстояло избрать нового президента. После острых споров, преодолевая всякого рода разногласия, левым партиям удалось создать Демократический альянс. Победа антигитлеровской коалиции во второй мировой войне способствовала развитию и укреплению рабочего и национально-освободительного движения в странах Латинской Америки. Народы континента с огромной радостью приветствовали подвиги Советской Армии, ее вклад в разгром фашистских держав, приход к власти трудящихся в ряде стран Восточной Европы.

Демократический альянс выдвинул своим кандидатом в президенты Габриэля Гонсалеса Виделу, слывшего левым радикалом. Его поддержали коммунисты, истинные социалисты (отколовшаяся в 1944 г. от социалистической партии группировка Грове и его сторонников), демократы и радикалы. Гонсалес Видела поклялся осуществить ряд демократических реформ, ограничить деятельность иностранного капитала. На выборах он набрал 192 тыс. голосов, больше других кандидатов, но меньше половины всех голосов. Согласно чилийской конституции, если никто из кандидатов в президенты не получит 50% голосов, конгрессу надлежит избрать одного из первых двух кандидатов, получивших относительное большинство. 24 октября 1946 г. конгресс утвердил Гонсалеса Виделу президентом республики.

Новый президент создал правительство, в котором три министерских поста было предоставлено коммунистам. И хотя одновременно три министерских портфеля получили представители правой либеральной партии, казалось, что Гонсалес Видела станет самым прогрессивным президентом Чили. Он заверял народ в своей преданности и готовности осуществить обещанные реформы и преобразования. Все его заверения и клятвы оказались ложью.

Действуя в угоду империалистам, предатель взял на себя миссию нанести удар по демократическим силам и прежде всего «сломить хребет» компартии Чили, авторитет которой неизмеримо вырос в последние годы. На муниципальных выборах в апреле 1947 г. КПЧ получила 106 тыс. голосов, выйдя на первое место. Успехи коммунистов напугали хозяев предателя. Последовало удаление министров-коммунистов из правительства. Президент, получив от конгресса особые полномочия, стал подавлять забастовки, преследовать рабочих активистов.

В октябре Гонсалес Видела организовал провокацию против советского посольства в Сантьяго; по его приказу банда головорезов обстреляла из пулеметов здание посольства, ранив при этом посла СССР Д. А. Жукова. Советское правительство заявило

* Продолжение. Начало см. в № 2 нашего журнала за 1974 г.

резкий протест и отзывало сотрудников посольства в Москву. Под рукоплескания «мумий» новоявленный тиран объявил вне закона компартию, приказал арестовать членов ее ЦК. По всей стране началась «охота» за коммунистами. Арестованных направляли в созданные по нацистскому образцу концентрационные лагеря. В один из таких лагерей, в безлюдной местности на севере — в бухте Писагуа — было брошено свыше 2 тыс. заключенных¹. В 1948 г. конгресс, контролируемый буржуазными партиями, одобрил закон, согласно которому коммунисты и сочувствующие — свыше 50 тыс. чилийцев — лишились гражданских, в том числе избирательных, прав.

Коммунистическая партия Чили была одной из крупных и влиятельных в Латинской Америке. Коммунисты избирались депутатами, сенаторами, муниципальными советниками, издавали массовую газету «El Siglo», влияние компартии распространялось на профсоюзное движение, на интеллигенцию. Расчет Гонсалеса Виделы и его зарубежных друзей был прост: если бы им удалось расправиться с чилийской компартией, лишить ее возможности участвовать в политической жизни страны, это был бы удар по национально-освободительному движению всей Латинской Америки. Именно этого добивались тогда правящие круги США. Взяв курс на «холодную войну», они насаждали в странах Латинской Америки покорные им режимы. Действуя через госдепартамент, Пентагон и ЦРУ, используя экономическое давление и подрывную деятельность, подкуп, шантаж и угрозы, правящим кругам США удалось во второй половине 40-х годов свергнуть неугодные им правительства в Боливии, Эквадоре, Коста-Рике, Венесуэле, Сальвадоре, Перу, Колумбии, заставить республики Латинской Америки подписать договор «Об обороне Западного полушария» (1947 г.). Почти повсюду были запрещены компартии, коммунистов преследовали, сажали в тюрьмы, пытали, убивали. Наступление против прогрессивных сил велось по всему фронту. Однако, несмотря на террор, компартия Чили продолжала существовать и бороться.

И все же тот факт, что Гонсалес Видела сумел загнать компартию в подполье и на протяжении пяти лет осуществлял антинародную политику, свидетельствовал и об известной слабости пролетарского авангарда. Компартия сделала выводы из прошедших событий. Рикардо Фонсека, генеральный секретарь КПЧ с конца 1946 г. (он умер 21 июня 1949 г.), заявил, в частности, что коммунисты недостаточно боролись против оппортунистических взглядов в рабочем движении и в народе. Целые слои рабочего класса верили, будто буржуазный парламент или министры могут удовлетворить их нужды.

«Гарантия выполнения программы народа,— отмечал X съезд КПЧ в 1956 г.,— гарантия того, что демократическая коалиция всех слоев населения, от рабочего класса до национальной буржуазии, даст положительные результаты, заключается в превращении рабочего класса, ведомого и направляемого своим авангардом, в руководящую силу, в его тесном союзе с крестьянством и другими слоями народа, а также в создании правительства этой коалиции, правительства, в котором рабочий класс играл бы ведущую роль»².

Большую долю ответственности за создавшееся положение несла и социалистическая партия. Часть ее лидеров, антикоммунистически настроенная, вела раскольническую линию в профсоюзном движении, выступала с позиций, объективно ведущих к поддержке интересов американского империализма. Подрывную работу проводили обосновавшиеся в партии антикоммунисты, антисоветчики, троцкисты. Это привело к новому расколу социалистической партии; из нее выделилось большинство (в него входил и Альенде), которое создало народно-социалистическую партию. К чести Альенде следует сказать, что он никогда не принадлежал к антикоммунистическим течениям, не выступал с позиций «холодной войны». В парламенте и за его пределами Альенде осуждал предательскую политику Гонсалеса Виделы, требовал прекращения террора и легализации компартии. Последовательная демократическая и антиимпериалистическая позиция снискала ему уважение и симпатии всех здоровых сил внутри социалистического движения, способствовала росту его авторитета в рабочей среде. На протяжении 20 лет политической деятельности Чичо оставался верен своим юношеским идеалам, клятве, данной у изголовья умирающего отца.

¹ V. Teitelboim. Pisagua. La semilla en la arena. Santiago, 1972.

² «Х съезд Коммунистической партии Чили (апрель 1956 года)». М., 1957, стр. 28.

Альенде не принадлежал к числу шумливых, экзальтированных личностей. Он не любил громких слов, трескучих фраз. Выступления его были строго аргументированы, логичны, убедительны, содержали строго выверенный фактический материал. Он покорял своих слушателей не внешними эффектами, а внутренней убежденностью, принципиальностью. И в его внешности не было ничего особенного, из ряда вон выходящего. Плотный, среднего роста, в роговых очках, в простом, хотя отлично сшитом двубортном костюме — обычный врач, обычный чилиец. Но эта кажущаяся обыденность выделяла его из среды других политиков радикального толка. К нему прислушивались потому, что он высказывал мысли и идеи, выражавшие интересы чилийских трудящихся, обездоленных.

Развитие событий в Чили настоятельно требовало единства действий всех трудящихся, а этого можно было достигнуть, Альенде был убежден в этом, только наладив равноправное и товарищеское сотрудничество между социалистами, выступавшими с антиимпериалистических и антиолигархических позиций, и коммунистами.

Шел 1952 год... Политическая панорама в преддверии новых президентских выборов выглядела весьма своеобразно. Наряду с кандидатом на президентский пост от правящей радикальной партии, который выступал за продолжение курса Гонсалеса Виделы, на политической сцене вновь появился генерал Карлос Ибаньес, неустанно добивавшийся возвращения в «Ла-Монеду» с того памятного 1931 г., когда он бежал оттуда, сметенный волной народного возмущения. События в мире и в Чили заставили «Муссолини Нового Света» пересмотреть свои прежние политические взгляды. Фашизм давно уже вышел из моды и даже «демократический» антикоммунизм, как можно было убедиться на примере Гонсалеса Виделы, перестал приносить лавры его оруженикам. Генерал учел урок истории. Он шел на выборы с широковещательной программой, обещая не только защищать Чили от империализма, наделить землей крестьян, но и отменить «подлый закон» о запрете компартии, восстановить демократические свободы. Вместо сабли старый политикан избрал теперь символом швабру, обещая вымысти из страны все недуги, которые ее терзали. Вокруг Ибаньеса образовался блок разношерстных группировок — от старых его поклонников фашистского типа до народно-социалистической партии и фалангистов.

Возникновение ибаньистского блока вызвало перегруппировку в политическом лагере. Поддержка кандидатуры генерала народно-социалистической партией расколола ее. Сальвадор Альенде, Хосе Тоа и другие руководители, не согласные с поддержкой Ибаньеса, вернулись к социалистам, из числа которых тем временем были исключены Б. Ибаньес и ряд других антикоммунистов. Социалистическая партия вместе с коммунистической и демократической партиями образовала Фронт народа, председателем которого и кандидатом в президенты был избран Альенде. Так на 44-м году жизни Сальвадор Альенде впервые возглавил коалицию левых сил и стал претендентом на президентскую должность.

Что же представлял из себя Фронт народа, какова была его программа? Об этом Альенде писал в 1954 г. в «Правде»: «Фронт народа — это глубоко патриотическое движение, направленное на борьбу за политическое и экономическое освобождение нашей страны... Программа Фронта достаточно широка, чтобы в нем объединились, имея в качестве костяка рабочий класс, крестьяне и прогрессивные землевладельцы, женщины и молодежь, служащие и ремесленники, педагоги и интеллигенты, профессора, торговцы и промышленники, которым дороги национальные интересы...

Фронт народа ведет борьбу за структурное изменение экономики, которое обеспечило бы использование наших природных ресурсов и широкую индустриализацию страны, за проведение аграрной реформы, которая внесла бы коренные изменения в систему владения землей и в условия жизни тех, кто ее обрабатывает. Фронт народа борется за восстановление нормальных отношений Чили с СССР, Китайской Народной Республикой и странами народной демократии. Необходимо также, чтобы наша страна освободилась от тех международных обязательств, которые нас связывают в военном и политическом отношении и ограничивают нашу независимость и суверенитет.

В области внутренней политики Фронт народа отвергает всякую политическую дискриминацию и поэтому добивается устранения реакционного закона, именуемого «законом защиты демократии», положения которого препятствуют развитию политической свободы, свободы деятельности профсоюзов и поставили Коммунистическую пар-

тию Чили и ее членов вне гражданских прав. Фронт народа потребовал предоставления компартии и ее членам тех же прав, которыми пользуются все остальные партии. Мы утверждаем, что идеи и принципы нельзя вырвать из сознания и сердца людей при помощи репрессивных законов. Идея нельзя убить»³.

Перед выборами Альянде выдвинул конкретную программу преобразований в Чили. В его лице впервые в истории Чили, да и других стран Латинской Америки, кандидат в президенты потребовал национализации собственности американских монополий «Анаконда» и «Кеннекот», владевших медными рудниками.

Разумеется, кандидатура Альянде носила символический характер. Социалисты были расколоты, а коммунисты еще не вышли из подполья. Фронт народа не располагал необходимыми денежными средствами для ведения избирательной пропаганды. И все же предвыборная кампания Альянде имела большое политическое значение. Альянде стал центром притяжения всех подлинно демократических и антиимпериалистических сил страны. Труженики Чили обрели в нем своего глашатая, выразителя своих чаяний, надежд, стремлений.

Альянде четыре раза объездил страну с предвыборными выступлениями. Его сопровождал в этих поездках Володя Тейтельбойм, друг со времен студенчества, член Политической комиссии компартии, прошедший через концлагерь Писагуа и избранный генеральным секретарем Фронта народа. Вспоминая об этих первых боях Альянде за президентский пост, Володя рассказывал автору, с какой радостью встречали кандидата Фронта народа трудящиеся в городах и сельских районах Чили. Альянде был неутомимым оратором, путешественником. Он стремился побывать в тех местах, где никогда не выступал ни один из кандидатов в президенты — в далеких горных селениях, в рыбачьих деревушках, на островах Южного Чили, селитряных разработках севера, у скотоводов.

Выборы принесли победу Ибаньесу. Он получил 446,4 тыс. голосов. За Альянде проголосовало 51,8 тыс. избирателей. Это был не плохой результат, учитывая тогдашнюю обстановку в Чили и в Латинской Америке. Но выборы показали необходимость укрепления и расширения Фронта народа.

В 1954 г. Альянде с супругой по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с зарубежьем (ВОСКС) впервые приехал в СССР. В Москве они с Тенчей посещали научные и культурные учреждения, заводы, интересовались всем: советским законодательством, системой здравоохранения, состоянием образования, решением национального вопроса. Писатель Василий Чичков, работавший тогда корреспондентом «Правды» в странах Латинской Америки, рассказывал, как по поручению редакции он посетил Альянде в гостинице «Националь» и попросил срочно написать статью для газеты. Альянде охотно согласился.

— Как? — в недоумении спросила Тенча. — Мы ведь должны через час пойти в Большой театр на «Лебединое озеро». Ты всю жизнь мечтал посмотреть этот балет в Большом!

— Это верно. Но статья в «Правде» для меня важнее. Ведь меня будут читать миллионы советских людей. Они узнают правду о положении в Чили, о нашей борьбе. Приходите, товарищ Чичков, утром, статья будет готова. — Действительно, утром статья была готова. Она появилась в «Правде» 12 августа 1954 г. В тот же день Чичков вновь посетил Альянде и принес ему вместе с газетой гонорар.

— Я спросил Альянде, — рассказывал Чичков, — какой сувенир он хотел бы приобрести на гонорар. Думал, попросит самовар, матрёшку или другую какую-нибудь нашу вещицу, которую обычно приобретают туристы. И был удивлен, когда Альянде попросил помочь ему купить... галоши!

— Они у вас самые лучшие в мире, — пояснил, улыбаясь, гость. — Видите ли, в Чили часто дожди, сырья погода, а у нас галоши из тонкой резины, быстро рвутся, протекают. Ваши же — такие солидные, теплые, на малиновой подкладке. В Чили все мне будут завидовать, что у меня такие необыкновенные галоши.

Прошло несколько лет. Чичков поехал работать корреспондентом «Правды» в Мексику и однажды приехал оттуда в Чили. Корреспондент решил навестить своего

³ С. Альянде. Борьба народа Чили за национальную независимость. — «Правда», 12.VIII.1954.

старого знакомого — Сальвадора Альянде. В сенате швейцар, которого он спросил, как пройти к Альянде, разъяснил:

- Посмотрим, здесь ли он. Если в гардеробе стоят его галоши, то он на месте.
- Разве у него какие-то особые галоши? — полюбопытствовал корреспондент.
- Уникальные, черные, на малиновой подкладке, других таких в Чили нет. — Это были те самые галоши, которые Сальвадор Альянде купил в Москве на гонорар, полученный за статью.

В конце 1954 г. Альянде возвратился на родину. Посещение СССР и других европейских стран укрепило его во мнении, что политика единого фронта с коммунистами и другими антиимпериалистическими группировками — единственно правильная, ибо только самое широкое объединение всех сил, выступавших за упрочение национальной независимости, могло привести к победе в борьбе против олигархии и иностранного капитала в Чили.

Последовательная борьба Фронта народа за расширение его основы стала приносить плоды. В 1954 г. правительство Ибаньеса покинули представители народно-социалистической партии. Вскоре она вместе с демократической партией народа во главе с Умберто Мартинесом и партией труда, возглавляемой сенатором Бальтасаром Кастро, присоединились к Фронту народа. Так возник Фронт народного действия (ФРАП). Лидером ФРАП стал Сальвадор Альянде. ФРАП сыграл в дальнейшем очень важную роль в сплочении всех антиолигархических и антиимпериалистических сил вокруг рабочего класса и его партий. Гегемония в освободительном движении перешла к рабочему классу. Укреплению левых сил способствовало и создание в 1953 г. Единого профцентра трудящихся (КУТ) в результате преодоления острых разногласий между социалистами и коммунистами по профсоюзному движению.

В 1957 г. социалистическая и народно-социалистическая партии слились в единую социалистическую партию. Объединенная партия в целом стремилась к сотрудничеству с коммунистами. Генеральным секретарем социалистической партии был избран Соломон Корбалан. Забегая вперед, отметим, что Альянде и в последующие годы не занимал первых должностей в социалистической партии. Он являлся одним из ее лидеров, возможно самым авторитетным, самым популярным, «великим собирателем голосов», не терпевшим поражения с 1937 г. на парламентских выборах, однако за исключением краткого периода в начале 40-х годов, когда его избирали заместителем генерального секретаря, а потом и генеральным секретарем партии, эти должности занимали другие деятели. Почему же с момента возникновения Фронта народа четырежды кандидатом в президенты выдвигался Сальвадор Альянде? Вовсе не потому, что он располагал монопольной поддержкой партийного аппарата. Он завоевывал право на это благодаря умению примирять различные течения в его собственной партии, сплачивать вокруг себя партийных руководителей.

На выборах 1958 г. правые консерваторы и либералы выдвинули своим кандидатом Хорхе Аллесандри, одного из сыновей «Льва из Тарапаки», банкира и дельца, формально «независимого», а на деле представлявшего крупный капитал, тесно связанный с интересами американских монополий.

Альянде, как и на предыдущих выборах, неустанно выступал на митингах, участвовал в демонстрациях, посещал рабочие поселки, шахты, рыбакские селения. Теперь компартия смогла оказать ему значительно более действенную помощь, чем во время предыдущей избирательной кампании. Накануне выборов в конгресс прогрессивные силы добились отмены «подлого закона», и компартия вновь обрела право на легальную деятельность. В том же 1958 г., после смерти Гало Гонсалеса, возглавлявшего партию в годы подполья, генеральным секретарем компартии был избран Луис Корвалан, Лучо, как с нежностью называют его друзья и товарищи, старый член партии, учитель по профессии, в прошлом редактор «El Siglo», которого связывали с Альянде долгие годы совместной борьбы против реакции и империализма. Менялся политический климат и в других странах Латинской Америки. В Колумбии, Перу, Венесуэле рухнули диктаторские режимы, поддерживаемые Вашингтоном. На Кубе повстанцы Фиделя Кастро наносили все более чувствительные удары по войскам Батисты.

Аллесандри располагал неограниченными средствами для ведения предвыборной кампании. В его распоряжении были разветвленная буржуазная печать, радио, теле-

видение. Сторонники его широко использовали подкуп избирателей, подделывали избирательные списки. И все же, как показали результаты выборов, Альенде получил всего на 30 тыс. голосов меньше, чем Александри.

Альенде, таким образом, во второй раз потерпел неудачу на пути к «Ла-Монеде». Но он был настолько близок к победе, что будь выборы «чистыми», он несомненно вышел бы на первое место. Альенде потерпел поражение, но теперь друзья и враги стали смотреть на него как на реального, а не символического, как то было в 1952 г., претендента на пост президента. В поражении Альенде на этот раз таился залог грядущей победы.

АЛЬЕНДЕ И КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

20 января 1959 г. Альенде прилетел в Гавану. В те дни по всей Латинской Америке разнеслись вести о событиях на Кубе, где восставший народ во главе с повстанцами Фиделя Кастро сверг после двухлетней кровопролитной борьбы тирана Батисту. Остров Свободы, как стали называть Кубу сторонники Фиделя Кастро, привлекал внимание всех революционеров. Чтобы лучше разобраться в событиях, Альенде решил лично убедиться в происходящем. Едва он успел поселиться в гостинице, как его внимание привлек шум, музыка. Он вышел на улицу, и его глазам предстало невероятное, как он потом говорил, зрелище: по мостовой шагали под звуки бравурного марша 200 здоровенных американских полицейских, возглавляемых начальником полиции из американского штата Майами! Как потом выяснилось, руководители кубинской революции не имели к этому параду никакого отношения. Полицейские Майами и Гаваны ежегодно обменивались делегациями такого рода. Воспользовавшись отсутствием визового режима между двумя странами, американцы в первые дни после свержения режима Батисты послали полицейскую делегацию в Гавану для укрепления «дружеских связей», на этот раз с новыми властями. Узнав об этом, руководители революции постарались побыстрее избавиться от непрошеных гостей.

Не зная тогда всех подробностей, Альенде истолковал присутствие американских полицейских в Гаване как доказательство американского влияния на руководителей кубинской революции. Возмущенный, он решил немедленно покинуть Кубу и возвратиться в Чили. Лишь встреча со старым другом Карлосом Рафаэлем Родригесом, одним из руководителей Народно-социалистической партии (компартии) Кубы, сражавшимся под руководством Фиделя Кастро в горах Сьерра-Маэсты, изменила его намерения. Как рассказывал впоследствии Альенде, Родригес сказал ему:

— Оставайся, Сальвадор, познакомься и поговори с нашими руководителями и тогда поймешь, что к чему.

В тот же вечер Альенде позвонила по телефону Алейда, секретарь Эрнесто Че Гевары. Она сказала: «Майор Че посыпает за вами машину, он вас ждет в казарме «Ла-Кабанья». «Через полчаса я прибыл в «Ла-Кабанью» и встретился с Че,— вспоминал потом Альенде.— Че лежал голый по пояс в заношенных солдатских штанах на походной раскладушке в большой комнате. Помню, что там же стояло бронзовое ложе внушительных размеров. Че страдал от очередного приступа астмы и вдыхал какую-то целебную смесь через ингалятор. Я сел на бронзовое ложе и подождал, пока он придет в себя. «Послушайте, Альенде,— сказал мне Че,— я прекрасно знаю, кто вы такой. Во время президентской кампании 1952 г. я находился в Чили, дважды слушал ваши выступления».... Потом я убедился,— пишет далее Альенде,— какими выдающимися интеллектуальными способностями и человеческими качествами обладал Гевара, как он умел видеть всю совокупность континентальных проблем, как здраво оценивал борьбу народов. Че познакомил меня с Раулем Кастро, и потом мы попали к Фиделю. Шло заседание кабинета министров, меня попросили присутствовать на нем. Затем Фидель увел в зал, где отдыхали бойцы повстанческой армии. Одни из них играли в шахматы или карты, другие просто лежали на полу в обнимку с автоматом. Пристроившись в свободном уголке, мы долго говорили с Фиделем. Тогда я понял, что в действительности представлял из себя Фидель»⁴.

⁴ «Punto final», marzo 1971, p. 32—33.

С тех пор Альенде и вожди кубинской революции поддерживали самые тесные дружеские связи. После встреч и бесед с Фиделем, Раулем, Че Сальвадор Альенде по достоинству оценил всю глубину кубинской революции, ее подлинно народный, антиимпериалистический характер, ее значение как провозвестника нового этапа национально-освободительного движения в Латинской Америке. В его лице кубинская революция обрела надежного друга, выступавшего вплоть до последнего дня своей жизни в ее защиту.

Альенде связывала с кубинскими руководителями не только идея общности, их сближала, роднила и схожесть характеров, вкусов, наклонностей. Альенде, как и руководители кубинской революции, политически сформировался в левом студенческом движении, читался одинаковой с ними духовной пищей, одними и теми же книгами. У него и у них были одни и те же герои, перед которыми они преклонялись — вожди войны за независимость, Сантино, Рекабаррен, Пабло Неруда, великие обличители империализма мексиканские художники Ороско, Ривера, Сикейрос... А с Че его сближало еще и то, что они оба были врачами и оба пожертвовали медициной в пользу революционной борьбы за освобождение Латинской Америки от гнета империализма.

Альенде был почти вдвое старше своих кубинских друзей. В отличие от них, конспираторов, подпольщиков, партизан, боровшихся с оружием в руках против Батисты и одержавших победу над многократно превосходившим их числом и вооружением противником, чилиец был политиком, так сказать, «легального» типа, мастером избирательных кампаний. На первый взгляд могло показаться, что все это должно было отдалить его от кубинских революционеров. Действительно, его методы борьбы казались прямой противоположностью кубинским, с тем еще для него минусом, что кубинцы уже доказали действенность своих методов, их результативность, а ему, проигравшему две президентские кампании, еще предстояло доказать, что он на верном пути, что в Латинской Америке народ может победить не только путем вооруженных действий, но и «мирным» путем, в частности с использованием выборов.

«Мирный» путь Альенде выбрал не потому, что был пацифистом по натуре или питал какие-то иллюзии в отношении «мирных» намерений своих политических противников, а потому, что считал его для Чили наименее действенным, наименее реальным, ведущим к завоеванию власти трудящимися. Это хорошо понимали его кубинские друзья и среди них Че, наименее, казалось бы, бескомпромиссный сторонник вооруженной борьбы против сил реакции и империализма. В этом проявлялось не только доверие Эрнесто Гевары к Альенде, как к революционеру и человеку, но и одинаковая с ним оценка положения в Чили, где в силу целого ряда обстоятельств — наличия парламентской традиции, существования различных политических партий, мощного рабочего движения — сложились условия, благоприятствовавшие тактике единого фронта в иных формах и проявлениях, чем вооруженное восстание или партизанская борьба, как то имело место на Кубе и как, по мнению того же Че, должно было произойти в большинстве других стран Латинской Америки. Альенде очень ценил экземпляр книги Че «Партизанская война», которую ее автор подарил ему с надписью: «Сальвадору Альенде, стремящемуся другими путями достигнуть того же самого. С добрым чувством — Че». Со своей стороны Альенде был горячо привязан к Че. Он относился к нему как бы к своему «альтер эго», «второму я».

Альенде и Че встретились во второй и последний раз в 1961 г. в Уругвае, во время конференции в Пунта-дель-Эсте. Здесь посланцы президента Кеняди пытались поймать на золотой крючок «Союза ради прогресса» страны Латинской Америки, добиться от них осуждения кубинской революции. Альенде прибыл в Уругвай, чтобы публично выразить солидарность чилийского народа с революционной Кубой. Прогрессивная уругвайская общественность пригласила Че и Альенде выступить на митинге в университете Монтевидео, разоблачить империалистическую сущность «Союза ради прогресса». Реакционеры неистовствовали. Кубинские «гусанос» («черви») — эмигранты и их местные пособники угрожали смертью Че. После митинга Че сказал Альенде: «Сальвадор, мы должны выйти из здания поодиночке, иначе одной автоматной очередью нас могут обоих прикончить».

«Так мы и поступили, — вспоминал впоследствии Альенде. — Вокруг университета стояла огромная толпа народа. Люди скандировали антиимпериалистические лозунги.

Вдруг раздались выстрелы. Террористы открыли огонь прямо по университету. Позднее мы узнали, что от их пуль погиб один наш друг, профессор университета»⁵.

Кубинская революция резко изменила политический климат в Латинской Америке, послужила могучим стимулом в антиимпериалистической борьбе, обострила классовые противоречия, поставила на повестку дня осуществление коренных социальных преобразований. В январе 1963 г. в Сантьяго состоялась народная ассамблея всех национальных антиимпериалистических сил. Ассамблея провозгласила Альенде кандидатом в президенты от ФРАП на предстоящих в конце 1964 г. выборах. Утвержденная ассамблей программа, которую Альенде обещал в случае своего избрания осуществить, предусматривала национализацию иностранных компаний по добыче меди, селитры и железной руды, аграрную реформу, национализацию банков, страховых компаний и внешней торговли, поднятие уровня жизни народа, демократизацию политической жизни страны, проведение независимой внешней политики.

Противники ФРАП выдвинули двух кандидатов — Хулио Дурана от радикалов, консерваторов и либералов, образовавших так называемый Демократический фронт, и Эдуардо Фрея Монтальву от демохристианской партии. Фрей, как и Альенде, прошел школу студенческого движения, с той только разницей, что Альенде в этом движении находился на левом фланге, а Фрей — на правом. В молодости Фрей стоял на позициях антикоммунизма и защищал корпоративную форму правления, сходную с фашизмом. С годами он несколько «полевел». Фрей убеждал правящие классы, что коммунизм нельзя победить только террором, преследованиями и запретами, что с ним следует бороться путем реформ, убыстряющих капиталистическое развитие и смягчающих классовую напряженность.

Образцом для него стала деятельность итальянских и западногерманских демохристиан, а источником вдохновения — социальные послания (энциклики) римских пап. В 1957 г. Фрей возглавил христианско-демократическую партию, образовавшуюся в результате объединения национальной фаланги с центристской социал-христианской партией. На выборах 1964 г. Фрей выступал как сторонник социальных преобразований под лозунгом: «В Чили все должно измениться!»

Но главным оружием Фрея была не его реформистская программа (на предвыборные обещания он и в прошлом не скупился), а все та же клевета на блок левых партий. Индустрия страха, пишет чилийский публицист Эдуардо Лабарка Годдард, переплела всякие границы, она подавляла, угнетала, терроризировала население⁶. Печать, кино, радио, афиши, стенные газеты, брошюры, листовки, книги — все было использовано, чтобы создать климат, враждебный кандидату ФРАП. Сторонники Фрея широко использовали подкуп избирателей. Религиозные организации «Каритас» и другие посыпали из США сотни тысяч пакетов с едой и одеждой, которые раздавались в «поселках нищеты» за обещание проголосовать за демохристианского лидера. В кампании запугивания избирателей активно участвовали и церковные иерархи. Особенно энергично работали на Фрея иезуиты во главе с бельгийским специалистом по социальным вопросам аббатом Роже Векемансом. Фрей взял на вооружение лозунг иезуитов «Революция в условиях свободы». Альенде разоблачал демагогический характер этого лозунга: «Говорят — революция и одним глазом подмигивают народу, говорят — в условиях свободы и другим глазом подмигивают эксплуататорам»⁷.

По мере приближения президентских выборов правые силы теряли уверенность в победе. Это заставило консерваторов и либералов переметнуться от Дурана к Фрею. Таким образом, Фрей из кандидата «демократической левой», как он себя именовал до этого, превратился в кандидата «национального движения» — блока консерваторов, либералов и клерикалов. 4 сентября 1964 г. состоялись выборы президента. Победил Фрей. За него было подано 1,4 млн. голосов. Альенде собрал 977,9 тыс. голосов, Дуран — 130,2 тыс.

Хотя Альенде получил самое высокое количество голосов, которое собирали когда-либо кандидат левых сил не только в Чили, но и Латинской Америке, он и на этот раз — в третий! — проиграл битву за власть. Отвечая после выборов на вопросы журналистов о его дальнейших политических планах, Альенде со свойственным ему юмором сказал:

⁵ «Punto final», marzo 1971, p. 33.

⁶ Э. Лабарка Годдард. Вторжение в Чили. М., 1972, стр. 69.

⁷ S. Allende. La crucifixión de Chile. — «Aurora», 1964, № 2, p. 12.

— Когда я умру, на моем надгробье будет высечено: «Здесь покоится Сальвадор Альенде, будущий президент Чили».

Он решил продолжать борьбу.

СТРАНА, РАСКАЛЕННАЯ ДОКРАСНА

Фрей рекламировал свою «революцию в условиях свободы» как лучшее лекарство против коммунизма. Но даже его политические друзья и единомышленники были вынуждены признать, что никакой революции Фрей не осуществил. Как и заявил Альенде еще до выборов, лозунг «революция в условиях свободы» означал, что противникам революции будет предоставлена свобода бороться с нею, всемерно препятствовать ее развитию⁸.

В стране нарастали социальные конфликты, обострялись классовые противоречия. Крестьяне захватывали земли помещиков, жители «грибных поселков» — пустующие квартиры в новых домах, студенты требовали демократизации системы высшего образования, рабочие — повышения заработной платы и эффективных мер по борьбе с инфляцией. Бастовали банковские служащие и судейские чиновники, требуя увеличения жалованья. Даже среди духовенства стало проявляться недовольство.

Все это отразилось и на положении в собственной партии Фрея, где его противоречивый курс вызывал все большее брожение и недовольство. Многие члены партии требовали проведения более энергичной политики социальных преобразований, более решительных мер против иностранных монополистических компаний. В результате ХДП раскололась. Из нее вышли многие деятели, в том числе сенатор Рафаэль Гумусио, депутат Хулио Сильва Солар, Жак Чончоль и другие видные члены партии. Они образовали оппозиционную группировку Движение единого народного действия (МАПУ), которое стало сотрудничать с партиями, входившими в ФРАП.

Только в рядах армии на первый взгляд все было спокойно, но никто не тешил себя иллюзией, что армия в условиях обострившегося политического и социального кризиса будет долго пребывать «вне игры». Исторический опыт свидетельствовал, что армия — этот гарант конституции и демократической законности, как ее величали и правые и левые, — всякий раз «подавала голос», когда возникала настоящая угроза интересам правящих кругов, превращаясь из послушного исполнителя воли правительства в активного субъекта, диктующего свою волю хозяину «Ла-Монеды».

В середине 60-х годов национально-освободительное движение в Латинской Америке находилось на перепутье. С одной стороны, революционная Куба, охваченная кольцом американской экономической блокады, героически преодолевала экономическую отсталость и отражала подрывные действия, организуемые на ее территории агентами ЦРУ. С другой стороны, почти вся Латинская Америка (за исключением Чили, Уругвая и Мексики) находилась тогда под пятой диктаторских режимов, раболепствовавших перед монополиями США и тесно связанных с госдепартаментом, Пентагоном, ЦРУ, «Союзом ради прогресса». Временное поражение антиимпериалистических сил, в частности в Бразилии и Венесуэле, не сумевших предотвратить приход к власти ультраправых режимов, толкнуло некоторых революционно настроенных деятелей на путь вооруженной борьбы «любой ценой», что породило в ряде стран партизанское движение и привело к созданию различного рода экстремистских группировок. Свою долю сумятицы в национально-освободительное движение пытались внести маоисты.

В Чили также действовали такого рода элементы — пропекинская группировка «Спартак» и «Революционное движение левых» (МИР) — сторонники «прямых революционных действий». Они пытались ослабить не только коммунистическую, но и социалистическую партию. В самой СПЧ большинство склонялось к созданию «фронта трудаящихся», отрицая эволюцию влево радикальной партии и отвергая расширение ФРАП за счет радикалов, что значительно снижало шансы на победу левых сил на предстоявших в 1970 г. президентских выборах.

Альенде вместе с коммунистами отстаивал идею самого широкого объединения всех левых политических групп и деятелей на основе конкретной антиимпериалистической и антиполигархической программы. Он продолжал считать, что в Чили левые

⁸ «El Siglo», 23.VIII.1964.

блок может одержать победу на выборах, разумеется, при условии сохранения демократических свобод. Одновременно с этим дон Чичо самым решительным образом поддерживал революционную Кубу и с большой симпатией отзывался о тех революционерах, которые с оружием в руках сражались против реакционных режимов в разных странах Латинской Америки.

В июле 1967 г. Альенде во главе чилийской делегации, в которую входили представители социалистической, коммунистической и других левых партий и группировок, принял участие в гаванской Трехконтинентальной конференции солидарности, резко осудившей агрессивные действия американского империализма. На этой конференции Альенде выступил с инициативой создания Латиноамериканской организации солидарности (ОЛАС). Конференция ОЛАС, собравшаяся в те же дни, указала: «Считая вооруженную борьбу основным путем, в равной мере необходимо использовать другие формы борьбы и всегда необходимо развертывать то, что в данный момент является главным»⁹.

Деятельность Альенде на Трехконтинентальной конференции, его страстные выступления, разоблачавшие агрессивные действия империалистов США, его солидарность с освободительной войной народов Вьетнама и с борьбой партизан в Боливии, которых, как предполагалось, возглавлял Эрнесто Че Гевара, вызвали против Альенде в Чили волну новых нападок со стороны правых. Но нападки врагов не смущали Альенде. Он к ним привык. «Меня, — говорил он, — обвиняли во всем, за исключением разве что кровосмесительства и воровства».

Трехконтинентальная конференция в Гаване привела в бешенство империалистов США. Они потребовали от правительств стран Латинской Америки подвергнуть преследованиям ее участников. Самолету, на котором возвращалась в Сантьяго чилийская делегация, было отказано в посадке в ряде стран. С большим трудом его удалось посадить в Сан-Паулу. Оттуда самолет был вынужден лететь по незнакомому маршруту через Анды, а затем вдоль Тихоокеанского побережья. Полет совершался ночью, вслепую. У летчиков не было навигационных карт этого района. Опасаясь столкнуться с горными вершинами, пилоты подняли самолет на большую высоту. Пассажиры стали испытывать кислородный голод. Лопнуло стекло одного из окон, в самолет ворвалась струя ледяного воздуха.

Все это время Альенде сохранял свойственное ему присутствие духа, подбадривал товарищей. Когда самолет особенно сильно тряхнуло и он, казалось, камнем полетел вниз, Альенде подошел к Володе Тейтельбойму, участнику этого рейса, и тихо сказал: «Кажется, это конец. Ну что ж, одно только могу сказать, что с нашей гибелью борьба за освобождение Чили от нищеты, отсталости и оков империализма не прекратится. Гибель отдельных бойцов, даже руководителей, достойна сожаления, но она не может приостановить неотвратимый ход истории». К счастью, самолет не потерпел катастрофы и некоторое время спустя благополучно приземлился в Сантьяго.

На съезде социалистической партии, который открылся в конце ноября в Чильяне, Альенде продолжал призывать к единству всех демократических сил. Он выступил также в качестве главного оратора на большом митинге, которым закончился съезд. Присутствовал на этом митинге и слушал Альенде советский публицист Юрий Жуков, возглавлявший делегацию КПСС на съезде. Он так описывает выступление дона Чичо: «Слово предоставляется председателю сената Сальвадору Альенде. Превосходный оратор, отлично знающий психологию и настроения своих соотечественников, он сразу же овладевает аудиторией. Его слушают буквально затаив дыхание. Альенде подчеркивает значение единства революционных сил. «В стране, — говорит он, — ширится народное движение, требующее коренных социальных перемен. Его авангард — Фронт народного действия, опорой которого является союз коммунистов и социалистов. Нам нужна зрелая партия, — продолжает Альенде, — которая укрепила бы это единство. У нас имеются тактические разногласия с коммунистами. Но существует гораздо больше таких вещей, которые нас объединяют, чем тех, которые нас разъединяют. Нам необходимо укрепить наше единство, чтобы лучше защищать жизненные интересы трудового народа»¹⁰.

⁹ Э. Лабарка Годдард. Чили, раскаленное докрасна. М., 1973, стр. 241.

¹⁰ Ю. Жуков. Чилийский дневник. М., 1970, стр. 70.

Политическая обстановка в стране продолжала накаляться. В октябре 1967 г. в горах Боливии рейнджеры при содействии американских диверсантов окружили партизанский отряд Эрнесто Че Гевары. Че был захвачен в плен и предательски убит. Гибель Че вызвала в Латинской Америке взрыв возмущения против империалистов США и их местных пособников. Большую речь в память об убитом партизанском вожде произнес в сенате Альенде. В феврале 1968 г., когда трое бойцов-кубинцев из отряда Че в сопровождении двух боливийских партизан перешли из Боливии в Чили и были интернированы полицейскими властями, Альенде сделал все возможное, чтобы добиться их скорейшего освобождения. Удалось получить разрешение французского правительства на проезд партизан до Парижа. Альенде лично сопровождал пятерых бойцов в самолете до о-ва Пасхи, а оттуда до Таити. Там они пересели в самолет, который доставил их в Париж, а затем в Гавану.

Солидарность, проявленная Альенде по отношению к Че и его бойцам, вызвала в его адрес со стороны реакционеров новую волну клеветнических наветов. «Мумии» требовали удаления его с поста президента сената. Альенде выступил по телевидению и в сенате, защищая свое право на солидарность с антиимпериалистическими борцами Латинской Америки. В письме к редактору *«Mercurio»* он напомнил, что реакционеры не стесняются проявлять солидарность с агрессивными действиями правительства США, которое посылает карательную экспедицию в Доминиканскую Республику, вмешиваются во внутренние дела Бразилии и старается сколотить «межамериканскую армию мира» для подавления освободительного движения на континенте. В самой Чили «мумии» угрожают силой предотвратить победу левых на выборах, обвиняя последних в насилии и революционных заговорах. «Мы против насилия, — писал Альенде, — но не тешьте себя надеждами, что мы будем пассивно сносить ваши агрессивные действия: революционное насилие может стать вынужденным ответом на ваше, на реакционное насилие»¹¹.

Чилийские «мумии» попали в атаку. Онофре Харпа, главарь правой национальной партии, образовавшейся в результате слияния консерваторов и либералов, потребовал объявления компартии вне закона и призывал армию вмешаться и «навести порядок» в стране, т. е. установить антинародную диктатуру. В воздухе «запахло» заговором. В казармах зашевелились реакционные офицеры.

В такой сложной обстановке страна готовилась к президентским выборам 1970 г.

Демохристианская партия, которую из-за ее политической разношерстности называли «Ноевым ковчегом», была расколота в основном на три течения. Правые во главе с Фреем пытались договориться с реакционной национальной партией о выдвижении единого кандидата. Левые тяготели к ФРАП. Центристы во главе с Томичем выдвигали прогрессивную программу в надежде заручиться поддержкой левых партий. После острой внутрипартийной борьбы победили сторонники Томича, и он стал кандидатом ХДП. Национальная партия отказалась его поддержать, выдвинув своим кандидатом бывшего президента Хорхе Александри.

Итак, среди центристов и правых на этот раз, в отличие от 1964 г., не было согласия. Повышало ли это шансы левого кандидата в президенты на победу? Несомненно.

В 1969 г. на основе единства коммунистов и социалистов был создан широкий фронт антиимпериалистических сил: было организационно оформлено движение Народного единства — антиимпериалистический блок левых партий, выступающий за создание народного правительства и проведение коренных революционных преобразований в социально-экономической структуре Чили. В коалицию Народного единства вошли коммунистическая, социалистическая, радикальная, социал-демократическая партии, Движение единого народного действия (МАПУ) и Независимое народное действие (АПИ). Однако в лагере левых сил не было единогласия по поводу выдвижения кандидата. Если на предыдущих выборах кандидатура Альенде с самого начала считалась бесспорной, то теперь дело обстояло значительно сложнее. На старте фигурировало пять кандидатов или, как их называли, предкандидатов. Предстояло среди них избрать единого кандидата левых сил.

Первым кандидатом стал сенатор Рафаэль Таруд, глава небольшой группировки АПИ, придерживавшийся антиимпериалистических позиций и рассчитывавший глав-

¹¹ *«El Siglo»*, 13.III.1968.

ным образом на поддержку средних слоев. Вторым — профессор экономики Альберто Бальтра Кортес, выдвинутый радикальной партией, из которой ушли яростные антикоммунисты во главе с Дураном. Он выступал в целом с антиимпериалистических позиций, был председателем Общества чилийско-советской дружбы. Третьим кандидатом был Жак Чончоль, генеральный секретарь МАПУ. Он мог рассчитывать на поддержку части избирателей, сочувствовавших ранее ХДП и разочарованных ее весьма умеренной деятельностью. Компартия выдвинула своим кандидатом знаменитого поэта Пабло Неруду, члена ЦК КПЧ, человека, обладавшего большим моральным и политическим весом и пользовавшегося заслуженной популярностью в пароде. В отличие от других партий компартия сразу заявила, что она будет отстаивать кандидатуру Неруды только в том случае, если другие участники коалиции не договорятся о едином кандидате.

А как же обстояло дело с Альенде? В социалистической партии значительная часть лидеров отвергала альянс с левыми радикалами; такой позиции, в частности, придерживался тогдашний генеральный секретарь социалистической партии сенатор Анистето Родригес. Отправившись летом 1969 г. в поездку на Кубу, Альенде из Гаваны направил группе своих последователей письмо, настаивая на расширении ФРАП за счет включения в него всех левых и демократических групп и на образовании на его основе Отечественного фронта. В интервью с корреспондентами он пояснил: «Представляю себе Отечественный фронт как самое сильное национальное и антиимпериалистическое движение. В этом случае он будет реальной альтернативой власти... Отечественный фронт, начав с единства социалистов и коммунистов, которое нашло свое выражение в десятилетнем существовании ФРАП, должен стать мобилизующим центром всех тех, кто не колеблясь выступает за революционные изменения, за построение социализма. Повторяю, Отечественный фронт будет самым могучим революционным движением в нашей истории. Нужно объединить для завоевания власти и осуществления национальной революции народные партии, студенческие федерации, Единый профсоюзный центр трудящихся, крестьянские конфедерации, а также тысячи и тысячи людей, находящихся вне партийных рядов, но придерживающихся левых взглядов. Никогда еще международные и национальные условия не были столь благоприятны для победы народа. Перед нами одна цель: завоевание власти»¹².

Такую постановку вопроса полностью разделяла компартия. Однако в рядах собственной партии позиция Альенде была встречена без особого энтузиазма. В руководстве партии еще преобладали настроения против союза с непролетарскими группировками. В августе 1969 г., после возвращения Альенде, вопрос о выдвижении кандидата в президенты обсуждался на провинциальных конференциях социалистической партии. Большинство провинциальных организаций высказалось в поддержку Альенде. 29 августа собрался ЦК СПЧ. В опубликованном коммюнике сообщалось, что он единодушно одобрил выдвижение Альенде кандидатом в президенты. В действительности же за Альенде проголосовало лишь 12 членов ЦК, а 13 членов — сторонники А. Родригеса — воздержались.

Компартия высоко ценила политические качества Альенде. Луис Корвалан отмечал, что Сальвадор Альенде на протяжении 20 лет стойко и последовательно сражался за создание фронта левых сил и внес большой вклад в политическое воспитание трудящихся масс, доказывая необходимость революционных перемен. И все же руководство компартии не могло не учитывать некоторые негативные моменты, связанные с выдвижением кандидатуры Альенде в четвертый раз на пост президента. Некоторые считали, что Альенде уже «выговорился», потерял в известной степени былую привлекательность, мог показаться «неудачником». Руководители компартии откровенно высказали Сальвадору Альенде эти сомнения. Он ответил:

— Если вы считаете, что я не должен быть кандидатом, если я не пользуюсь вашим доверием и доверием моей партии и других группировок, то назначьте другого кандидата, и дело с концом!

— Нет, товарищ Альенде, — сказал ему Луис Корвалан. — Наше мнение о вас, наши замечания вовсе не направлены на то, чтобы отклонить вашу кандидатуру. Мы с вами уже давно поддерживаем дружеские политические отношения. Мы вас искренне

¹² Э. Лабарка Годдард. Чилл, раскаленное докрасна, стр. 139—140.

уважаем. И если вы будете назначены кандидатом, то Коммунистическая партия Чили будет бороться за вашу победу, как и в прошлом, со всей решительностью, всеми силами¹³.

Однако на согласование единой кандидатуры всех левых сил ушло почти полгода. Пока левые группировки тратили свою энергию и силы на отстаивание своих кандидатов, политическая обстановка в стране обострялась не по дням, а по часам. С одной стороны, различные левацкие группки развязали серию экспроприаций, банковских ограблений, угонов самолетов. Эти авантюристические действия раздувались реакционной печатью, преподносившей их как прообраз хаоса и беззакония, которые якобы ожидают страну в случае победы левых. С другой стороны, в армии вновь зашевелились реакционные офицеры, недовольные «слабоволием» президента Фрея. В сентябре 1969 г. во время парада войск в честь праздника независимости несколько офицеров — капитаны М. Маршал, Ф. Ниервал и другие демонстративно отказались приветствовать президента. Они были понижены в чине. Некоторое время спустя командующий первой дивизией генерал Вио направил Фрею письмо, требуя повышения жалованья офицерскому составу. Письмо было составлено в резких выражениях. Копии его распространялись в казармах.

Генерал Вио, как потом оказалось, возглавлял ультраправую заговорщическую группировку в армии. На рассвете 21 октября Вио прибыл в расположение артиллерийского полка «Такна» в Сантьяго и, получив поддержку командования полка, предъявил правительству ряд «экономических требований». Общественное мнение встретило мятеж с осуждением. КУТ объявил всеобщую забастовку, которая парализовала всю страну. Верные правительству войска окружили казармы «Такны». Фрей повел с мятежниками переговоры, которые привели к подписанию так называемого акта Такны: Вио слагал оружие, а правительство обязывалось повысить жалованье офицерскому составу. Был уволен в отставку главнокомандующий армии Морамбио и на его место назначен генерал Рене Шнейдер, стоявший на позиции невмешательства армии в политическую жизнь.

Генерал Вио был предан суду, но вскоре помещен в военный госпиталь, а затем обрел полную свободу. У мятежного генерала были могущественные покровители. Что речь шла о ЦРУ, уже не скрывало само это учреждение. «Washington Post» писала на следующий день после мятежа: «Представитель ЦРУ заявил, что управление знало о вчерашних событиях в Чили за шесть недель (!) до них»¹⁴. В марте 1970 г. был раскрыт новый заговор, главой которого на этот раз стал генерал Гамбоа.

Вио, Гамбоа и другие претенденты на роль «горилл» действовали не в вакууме, не на свой страх и риск, а при поддержке и с согласия местной и зарубежной реакции, в частности правящих кругов США, которые неоднократно заявляли, что не допустят появления в Латинской Америке «второй Кубы». 30 мая Вио заявил на съезде своих последователей: «Если в будущем возникнет крайняя опасность для республики или невыносимое положение безвластия, хаос или грубые нарушения основных прав, это оправдывает восстание, которое, несмотря на все законы международного и государственного права, признает народ, и я без колебаний сразу же буду готов первым в нем участвовать»¹⁵.

Пока враг готовил переворот, в левых партиях продолжались дебаты вокруг общей программы и избрания единого кандидата. Дебаты, острые, порой резкие, прояснили многие вопросы и позволили в конечном итоге сплотить разнородный политический конгломерат в блок Народного единства, выработать программу действий для будущего правительства, договориться об участии в нем соответствующих партий.

Основная программа Народного единства была согласована 17 декабря 1969 г. Она провозглашала главной задачей будущего правительства — «покончить с господством империалистов, монополий, земледельческой олигархии и начать строительство социализма в Чили»¹⁶. 26 декабря был одобрен всеми левыми партиями Пакт правительства и Народного единства. В нем уточнялись отношения будущего президента

¹³ E. La b a g a. Corvalan — 27 horas. El PC Chileno por fuera y por dentro. Santiago, 1973, p. 78.

¹⁴ «Washington Post», 22.X.1969.

¹⁵ Э. Лабарка Годдард. Чили, раскаленное докрасна, стр. 59.

¹⁶ «Programa básico del Gobierno de la Unidad Popular». Santiago, 1970, p. 10.

с левыми партиями. В Пакте указывалось, что правительство должно опираться на избравшие его партии, а не на личную власть. Оно не будет правительством только своей партии и тем более правительством одного человека. «Мы,— заявляли группировки, входящие в Народное единство,— изберем не монарха, а представителя народа. В руководящих правительственных органах будут представлены все партии и движения, которые образуют это правительство»¹⁷.

22 января 1970 г. руководящий комитет Народного единства единогласно постановил выдвинуть Сальвадора Альянде кандидатом в президенты на предстоявших выборах. Своим безупречным поведением, тактом, выдержанкой, верой в победу Альянде способствовал преодолению всех трудностей и добился чести в четвертый раз стать знаменосцем левых сил.

С того момента, как Альянде стал официальным кандидатом Народного единства, черные силы реакции вновь развернули кампанию психологического террора, целью которой было отравить ядом антикоммунизма рядового избирателя. На эту кампанию расходовались огромные средства. Она велась через печать, радио, телевидение. Особое внимание уделялось привлечению на свою сторону женщин и молодежи. Этую кампанию официально проводили две организации — «Чиле ховен» («Молодое Чили») и «Аксион мухерес де Чили» («Женское движение Чили»). В действительности же таких организаций не существовало. Все счета оплачивало рекламное агентство «Андальен», возглавляемое неким Фернандесом. О том, к каким методам он прибегал, можно судить по такому образчику его работы.

Организаторы «кампании террора» разослали по домам анкету со следующим заголовком: «Городская реформа. Анкета переписи имущества и жилищ». В ней были такие вопросы: «Имеется ли в вашей собственности следующее: холодильник, радио, телевизор, телефон, автомобиль или другой вид транспорта? В состоянии ли Вы принять в свой дом в качестве постоянных жителей других лиц, кроме тех, кто в настоящее время проживает с вами?». Эта липовая анкета должна была создать впечатление, будто с победой Альянде подвергнутся конфискации бытовые предметы, являющиеся личной собственностью граждан, а в их квартиры вселятся бедняки из «поселков нищеты»¹⁸.

Как свидетельствовали случайно обнаруженные у Фернандеса документы, он был теснейшим образом связан с лидером национальной партии Харпой, с лидером правых радикалов Дураном. Это они и их сторонники снабжали Фернандеса деньгами на его «рекламу». Но не только они. Документы свидетельствовали, что кампания против Альянде финансировалась и американскими фирмами. Среди работодателей Фернандеса фигурировали «Бэнк оф Америка», «Ферст наэншл сити бэнк», «Анаконда коппер» и другие монополии Уолл-стрита, действовавшие на территории Чили.

В то же время вооруженные фашистующие молодчики нападали на помещения левых партий и организаций, на активистов Народного единства, на левых студентов и участников аграрного движения. Если к этому добавить уже упомянутые нами выступления мятежников в военных мундирах вроде генерала Вио и экс-«левых революционеров», усиленно твердивших, что надежды на «легальную» победу Альянде — это обман трудящихся,— то можно представить, насколько накаленной, взрывчатой, острой и опасной для судеб чилийской демократии складывалась предвыборная обстановка.

Партии народной коалиции не покладая рук трудились для победы своего кандидата. В стране было создано 14 800 комитетов в поддержку Народного единства, которые вели агитацию за Альянде, решительно пресекая всякого рода провокации как правых, так и ультралевацких элементов. Важную роль играли в этой борьбе профсоюзы, объединенные в КУТ.

В процессе избирательной кампании Альянде поддерживавшие его партии обнародовали «Первые 40 мероприятий Народного правительства», в которых предусматривались конституционные пути разрешения таких острых проблем, как безработица, нужды жителей «грибных поселков», крестьян, мелких и средних торговцев и собственников, задавленных налогами. Народное правительство, в частности, обязывалось

¹⁷ М. Ф. Кудачкин. Чили: борьба за единство и победу левых спл. М., 1973, стр. 202.

¹⁸ Э. Лабарка Годдард. Чили, раскаленное докрасна, стр. 211—215.

бесплатно выделять ежедневно каждому чилийскому ребенку по пол-литра молока, организовать бесплатную медицинскую помощь в больницах, распустить ставшие одиозными мобильные отряды карабинеров.

Четвертая избирательная кампания потребовала от Альенде огромного напряжения физических и духовных сил. Телефонные звонки и посещения дома Альенде в Сантьяго начинались в 8 часов утра. Альенде проявлял глубокое понимание советов, предложений левых сил, одновременно сохраняя за собой право решать определенные вопросы самому. Он в свои 62 года удивлял друзей неизменным хладнокровием, с каким был готов выполнить задачу, возложенную на него историей, не стремясь быть выше и ни в коем случае — ниже, чем движение, которое выдвинуло его кандидатуру ¹⁹.

4 сентября чилийцы устремились к избирательным участкам. В списки избирателей были занесены чилийцы старше 21 года, умеющие читать и писать, всего 3539 тыс. человек. Первые частичные итоги голосования в тот же день, после пяти часов вечера, показали небольшое преимущество Альенде над Александри. Третьим шел Томич. Руководитель избирательной кампанией Народного единства объявил о победе Альенде. Часом позже такое же заявление сделало руководство КУТ. Кандидат Народного единства получил 1075,6 тыс. голосов, Александри — 1036,2 тыс., кандидат ХДП — 824,8 тыс. голосов.

В 22 часа в центре города появились танки. Они окружили «Ла-Монеду». Это могло означать или военный переворот, или попытку Фрея не признать победу Альенде. Народное единство призвало народ немедленно выйти на улицу...

Без пяти минут 12, когда улицы столицы заполнили сторонники Народного единства, военный комендант города генерал Валенсуэла сообщил Сальвадору Альенде от имени министерства внутренних дел и вооруженных сил, что за него проголосовало относительное большинство избирателей и что правительство разрешает провести его сторонникам митинг в 0 часов 30 минут.

Это была победа!

Сотни тысяч сторонников Народного единства собрались перед зданием Федерации студентов Чили. С балкона к ним обратился Сальвадор Альенде, взволнованный, радостный, встреченный рукоплесканиями и победными кликами.

— Прошу вас, поймите, я всего лишь человек, как и все, с присущими мне слабостями и недостатками, мне приходилось в прошлом терпеть поражения, сегодня я воспринимаю победу без заносчивости и желания мести, победу, которая не является моей личной победой, а победой народных партий и социальных сил, оказавших нам поддержку...

Революция ставит своей целью не разрушать, а строить. Она стремится не уничтожать, а создавать, и народ готов к выполнению этой задачи. Тот факт, что мы победили, не означает, что мы должны потерять бдительность. Расходясь, будьте начеку и не поддавайтесь на провокации.

Трудящиеся страны! Вы, и только вы, являетесь победителями. Эта победа найдет признание и за рубежами нашей родины. Эту победу мы посвящаем тем, кто пал в борьбе и пролил свою кровь за дело нашей революции.

Спасибо, товарищи! Самым лучшим, что во мне есть, я обязан моей партии, единству трудящихся, Народному единству. На вашу преданность я отвечаю преданностью народного правителя, преданностью товарища президента! ²⁰

Альенде закончил свою речь в 1 час 55 минут ночи.

Еще долго тысячи людей пели песни на улицах и площадях столицы, танцевали куэку, выкрикивали лозунги в честь победы Народного единства и его лидера — товарища президента, как с этого дня стали называть Сальвадора Альенде. В эту ночь город не спал. «Мумии» притихли, притаились, их точно ветром сдуло с улиц и площадей столицы. А танки все так же угрожающие стояли на площади Конституции у «Ла-Монеды» с орудиями, направленными в сторону возбужденной и радостной толпы.

¹⁹ Там же, стр. 256—257.

²⁰ S. A l l e n d e. Su pensamiento político. Santiago, 1972, p. 9—13.

КТО УБИЛ ГЕНЕРАЛА ШНЕЙДЕРА?

Сторонники Народного единства ликовали. Да и сам победитель разделял в эти дни радужное настроение. В интервью, данном после выборов корреспонденту журнала «Ercilla», он блистал юмором, парадоксами.

— Как Вы представляете выборы в 3000-м году?

— Вероятно, без моей кандидатуры.

— За какую идею по-Вашему стоит умереть?

— За ту, без которой не стоит жить.

— Когда Вы впервые подумали стать президентом?

— Когда пришел к выводу, что смогу способствовать объединению всех левых сил.

— Какой обычай Вы взяли бы с собой на тот свет?

— В этом вопросе у меня нет каких-либо иллюзий.

— Какое, по Вашему мнению, самое примечательное достоинство и самый большой недостаток современной молодежи?

— Самое большое достоинство — мятежный дух. Главный недостаток — конформизм.

— Что значит быть социалистом?

— Быть человеком XX века, отцом человека XXI века.

— Вы сомневались когда-либо в самом себе или в своих взглядах? Если да, то когда и почему?

— Естественно, сомневался, когда со мной не соглашались люди, которых я уважаю и чьи взгляды в основном совпадали с моими.

— Перечислите ваши личные желания по степени значимости.

— Мои желания носят столь «личный» характер, что для их удовлетворения следовало бы удовлетворить миллионы чилийцев, которые устанавливают степень их значимости ²¹.

Альенде давал интервью, выступал, делал заявления, как будто его вступление на президентский пост уже было обеспечено. Ему, однако, предстояло еще пережить тревожные, полные драматизма и неожиданных поворотов 60 дней, отделявших его от 3 ноября 1970 г. — официальной даты вступления в президентскую должность. К тому же на выборах 4 сентября Альенде получил лишь 36,3% голосов избирателей, Александри — 34,9%, Томич — 27,8%. Таким образом, ни один из кандидатов в президенты не набрал абсолютного большинства голосов и вопрос о выборе президента из числа двух первых кандидатов должен был решать конгресс.

Все эти 60 дней власть находилась в руках его противников, в руках Фрея. Все эти 60 дней его враги будут комбинировать, лихорадочно искать любые зацепки, предлоги, лазейки, уцепившись за которые можно было бы преградить Альенде путь в «Ла-Монеду», аннулировать результаты выборов, лишить его власти. В этой кампании шантажа, заговоров, террора, интриг и угроз участвовали не только все внутренние реакционные силы, включая правых демохристиан во главе с Фреем, но и иностранные монополии, имеющие экономические интересы в Чили, и американская «святая троица» — Пентагон, госдепартамент и ЦРУ.

Альенде был прав, предсказывая после выборов, что Чили между 4 сентября и 3 ноября будет содрогаться больше, чем футбольный мяч, по которому бьет Пеле ²². Вслед за 4 сентября последовал ряд взрывов бомб в домах богачей, нападений на баптисты, пытались взорвать международный аэропорт близ Сантьяго. Кто это делал? Служба безопасности правительства вовсе не пыталась найти подлинных виновников этих провокаций, наоборот, всячески их покрывала. Реакционная печать валила все на «левых экстремистов». В действительности же эти преступные акты совершали ультраправые подрывные организации, за спиной которых стояли американские монополии и буржуазно-помещичья олигархия.

Известный миллиардер, текстильный магнат Карлос Ябур инсценировал против себя «покушение», чтобы иметь предлог закрыть свои предприятия и бежать за гра-

²¹ «Ercilla», 1—15.X.1970, p. 25—27.

²² «Punto final», marzo 1971, p. 40.

ницу, куда он перевел заодно и все капиталы. «Движение Национального действия», «Националистическое освободительное наступление», «Не отдадим Чили», «Спасем Чили», «Независимый республиканский фронт», «Родина и свобода» и десятки им подобных фашистских организаций, располагавших огромными средствами, создавали атмосферу хаоса и страха в стране, пытаясь во что бы то ни стало преградить Альенде путь к власти. За два месяца были раскрыты несколько террористических групп, готовивших покушение на Альенде.

В начале октября Альенде дал интервью корреспонденту «The New York Times». В нем он изложил свои взгляды, которые намеревался осуществить, войдя в «Ла-Монеду». Приведем отрывки из этого интервью.

Вопрос: Ваша программа исходит из принципа, что капитализм не смог разрешить социальные и гуманные проблемы Чили. Считаете ли Вы, что это относится и к другим южноамериканским странам? Как, на Ваш взгляд, социализм обеспечит большую занятость, более широкое жилищное строительство, увеличение сельскохозяйственной продукции и расширение возможностей для получения образования в Чили?

Ответ: Я полагаю, что анализ нашей социальной и экономической реальной действительности, данный левыми, может быть применен к большинству развивающихся стран. Кроме Кубы, на которую это не распространяется, поскольку Куба социалистическая страна, я не знаю ни одного латиноамериканского государства, решившего главные проблемы. Я имею в виду проблемы занятости, сельского хозяйства, жилищного строительства, просвещения, здравоохранения, отдыха и организации досуга...

Я хочу указать в первую очередь, что мы намерены сформировать многопартийное, националистическое, народное, демократическое и революционное правительство, которое будет идти к социализму. Мы не говорим, что мы собираемся установить социалистический строй завтра. Социализм нельзя навязать с помощью декрета. Это процесс общественного развития.

Мы, бесспорно, можем и должны использовать излишки, производимые хозяйством нашей страны, которые сегодня вывозятся за границу или остаются в руках монополий, стремящихся определять экономическое развитие Чили. Наша программа предусматривает создание трех секторов: государственного, смешанного (частный и государственный капитал) и частного... Это путь, отвечающий реальным условиям Чили, и мы считаем его основным этапом.

Прежде всего мы должны возвратить себе наши основные ресурсы, находящиеся в руках иностранного капитала, особенно американского,— медь, железную руду, селитру; они сейчас в ваших руках, в руках американских монополий. Затем мы должны национализировать монополии, которые оказывают влияние на социальное и экономическое развитие страны. К этому мы должны добавить серьезную, широкую, глубокую аграрную реформу, национализацию банков и установление государственного контроля над внешней торговлей.

Мы считаем, что на этой базе мы сможем подойти к решению основных проблем Чили...

Вопрос: С момента Вашей победы на выборах 4 сентября высказывались самые различные предположения относительно возможной формы и характера Вашего правительства. Если взять самые крайние из них, рассчитываете ли Вы, что Ваше правительство будет правительством марксистской ориентации, которое станет добиваться быстрого и радикального преобразования чилийского общества, или же социал-демократическим, медленно двигающимся по пути реформ?

Ответ: ... Я полагаю, что существуют социалистические правительства, либеральные правительства, консервативные правительства. Мы не намерены подражать ни Советскому Союзу, ни Кубе, ни Китаю. Мы намерены искать наш собственный путь, и в соответствии с существующими реальными условиями мы примем необходимые меры, чтобы обеспечить наиболее полное удовлетворение основных потребностей чилийцев — мужчин и женщин. Многое зависит от того, с какими препятствиями столкнется правительство. Возможно, если препятствия будут созданы искусственно, если ультрапрекционные силы станут замышлять заговор, если усугубится нынешняя попытка вызвать экономический хаос, то мы будем вынуждены проводить наши меры быстрее и решительнее, т. е. процесс может стать более радикальным — не потому, что мы хотим этого, а потому, что у нас не будет другого выбора.

Вопрос: Существует предположение, что в Вашем правительстве Народного единства могут господствовать тоталитарные компоненты коалиции, в частности коммунистическая партия. Если Вы допускаете эту возможность, то как Вы будете действовать?

Ответ: Я должен отвергнуть Ваше утверждение относительно тоталитарных компонентов среди партий в правительстве Народного единства. Почему? Я полагаю, что мы исходим из различных философских позиций. По-вашему, быть коммунистом и социалистом — значит быть сторонником тоталитаризма. По-моему, нет. Я считаю, что человек освобождается, когда он ликвидирует отчуждение, человек свободен, когда экономика обеспечивает ему работу, продовольствие, жилье, здоровье, отдых и досуг.

Не будет никакого превосходства ни коммунистической, ни социалистической партии, обе они — марксистские партии. Я — основатель социалистической партии и должен сообщить Вам, что я не сторонник тоталитаризма. Программа Народного единства — это не программа коммунистической, социалистической или радикальной партии и не программа партии МАПУ (Движение единого народного действия) или АПИ (Независимое народное единство). Это — наша общая концепция. Кроме того, Чили — страна, где марксисты уже входили в состав правительства. Мы были в правительстве в 1938 г., возглавляемом Педро Агирре Сердой. Я был министром здравоохранения. Это было самое прогрессивное до сих пор правительство, которое больше других уважало свободу личности.

Вопрос: Ожидаете ли Вы, что Ваше правительство экспроприирует всю американскую и другую иностранную собственность в Чили только потому, что она иностранная, или же в Чили будут существовать возможности для прямых иностранных капиталовложений, включая капиталовложения из Соединенных Штатов?

Ответ: Мы заявили, что намерены экспроприировать те капиталовложения, которые коренным образом и существенно влияют на национальное экономическое развитие. Например, главное сокровище Чили — ее медь. Мы считаем, что это сокровище должно быть чилийским и находиться в руках чилийцев. Я уверен, что Соединенные Штаты не согласились бы с тем, чтобы я был владельцем их основных ресурсов. Мы намерены национализировать те компании, которые, на наш взгляд, имеют коренное значение для экономического развития страны...

Вопрос: Какую компенсацию получат экспроприированные компании?

Ответ: Мы не хотим отнимать все у всех с помощью силы. Мы хотим провести национализацию в соответствии с чилийским законом, изучая каждый случай в отдельности и выплачивая компенсацию в соответствии с результатами этого анализа и в соответствии с нашими законами.

Вопрос: Ваша программа подчеркивает необходимость независимой чилийской внешней политики. Чтобы добиться этого, готовы ли Вы изолировать Чили от межамериканской экономической и политической системы в том виде, в каком она существует сегодня?

Ответ: Наша цель не в том, чтобы изолировать Чили. Напротив, наша цель в том, чтобы связать Чили со всеми странами мира, отставая в коммерческой области коренные интересы страны. А в культурной области мы также хотели бы воспринять и позаимствовать культурные достижения независимо от их происхождения.

В политической области мы в сущности, добиваемся лишь полной независимости. Мы сторонники самоопределения и невмешательства. Поймите — очень трудно «экспортировать» Народное единство в латиноамериканские страны. Чтобы «экспортировать» Народное единство, там необходимо иметь политические партии и выборы, а в большинстве стран их нет. Мы хотим укрепить наши культурные и коммерческие отношения с Соединенными Штатами, но мы хотим также иметь право установить отношения с Кубой. Мы не подчинимся, если кто-нибудь придет и заявит: «Нет, сэр, вы не можете иметь отношений с Кубой».

Вопрос: Вы — масон. Считаете ли Вы католическую церковь потенциальным элементом оппозиции Вашему правительству?

Ответ: Я полагаю, что церковь не окажется фактором, направленным против правительства Народного единства. Напротив, она станет фактором, действующим в нашу пользу, поскольку мы намерены попытаться претворить в жизнь христианское

учение. Кроме того, будет существовать самый широкий религиозный плюрализм. Я знаю, что большинство населения страны составляют католики, но имеются и евангелисты, протестанты и баптисты, и все религии станут пользоваться полным уважением.

Вопрос: После выборов чилийские левые группировки, которые ратовали за необходимость насилия для изменения общества, по-видимому, поддержали Ваш призыв к преобразованию с использованием законных мирных средств, а три человека, в политическом отношении отождествляемые с чилийскими правыми, оказались замешаны в террористической деятельности. Исключаете ли Вы полностью при всех обстоятельствах возможность насилия со стороны тех, кто Вас поддерживает?

Ответ: Мы много раз говорили, что у нас нет никакого политического соглашения с партией МИР (Революционным движением левых). Только она несет ответственность за тактику, которую она разработала и наметила для себя. Во время кампании они произвели некоторые экспроприации. Я не знаю, почему они прекратили их. Когда мы будем в правительстве, они опоздают с этим, потому что мы намерены сами проводить широкую экспроприацию.

Что касается правых, то я полагаю, что есть группировка, связанная с империалистическими интересами, которая будет готова пустить в ход любые средства. В числе этих средств — насилие, экономический хаос и покушения на убийство. Мы ответим на реакционное насилие революционным насилием, но это будет ответ. Если другие прибегнут к насилию, то мы ответим насилием, но мы сами не намерены прибегать к насилию. Мы отвергаем терроризм в принципе, исходя из нашей идеологии, убеждений, а также из гуманных побуждений»²³.

Борьба против Альенде шла в этот период одновременно по двум линиям: легальной, предусматривавшей не допустить победителя в «Ла-Монеду» формально законными средствами, и нелегальной, заговорщической, подрывной, нацеленной на лишение его власти путем вооруженного переворота и установления в стране режима реакционной террористической военной диктатуры. В конгрессе (палате представителей и сенате) большинство составляли противники Альенде — консерваторы из национальной партии и демохристиане, располагавшие соответственно 45 и 75 представителями из 200. Они могли при желании проголосовать за Александри. Однако сделать это было им нелегко.

С одной стороны, сам Александри и лидер консерваторов Харпа до выборов клятвенно заверяли, что они признают избранным того, кто получит первое относительное большинство, даже если им будет Альенде. Они сделали эти заявления, втайне надеясь, что Александри получит такое большинство и что их заверения облегчат ему поддержку конгресса. К тому же на выборах 1958 г., когда Александри получил на несколько тысяч голосов больше Альенде, сын «Льва из Тарапаки» и его сторонники с пеной у рта доказывали законность именно его избрания на президентский пост. Эти precedents ставили консерваторов в крайне затруднительное положение.

С другой стороны, отношение к победе Альенде в демохристианской партии далеко не было однородным. Наряду со сторонниками Фрея, которые были бы не прочь «нарушить традицию» и проголосовать за Александри, в ней имелись и сторонники Томича, выступавшие за признание победы Альенде и утверждение ее высшим законодательным органом. Последние считали, что поступить иначе означало бы толкнуть страну в пропасть гражданской войны.

Когда выяснилось, что не менее 25 депутатов и сенаторов, членов ХДП, сторонников Томича, твердо решили голосовать в конгрессе за Альенде, что обеспечило бы ему избрание, Фрей сделал вид, что сдается, но при условии, что Альенде будет навязан ряд требований, сформулированных затем в так называемом статуте конституционных гарантий. Требования включали обязательство не препятствовать деятельности оппозиционных партий, не вводить цензуру, не ограничивать свободу слова, не трогать систему частной школы, контролируемой церковью, соблюдать университетскую автономию, не вмешиваться в армейские продвижения по служебной лестнице, не менять избирательную систему, не допускать гражданских вооруженных

²³ «The New York Times», 4.X.1970.

формирований типа народной милиции, не создавать каких-либо органов власти, параллельных признанным конституцией.

Альенде и поддержавшие его партии согласились с этими положениями статута. Но другие требования демохристиан: не назначать на посты министров внутренних дел и обороны «марксистов» (членов СПЧ и КПЧ), любые изменения в этих министерствах осуществлять лишь с согласия руководства (генералитета) вооруженных сил, считать это руководство гарантом статута²⁴—Альенде категорически отверг. Демохристианам пришлось с этим примириться. 15 октября палата депутатов одобрила статут конституционных гарантов голосами представителей Народного единства и ХДП. Александри, поняв, что его ставка бита, 21 октября публично снял свою кандидатуру. Дон Чико нанес ему визит и поблагодарил его за этот жест, который должен был охладить не в меру горячие головы ультраправых.

Согласие ХДП голосовать за кандидата Народного единства в конгрессе означало вторую после выборов победу левых сил и поражение ультраправых элементов, делавших ставку на насилиственное устранение Альенде. Голосование в палате депутатов эти элементы расценили для себя как сигнал к немедленному действию. 22 октября в Сантьяго произошло событие, глубоко потрясшее чилийскую общественность. Среди бела дня выстрелами из автоматов неизвестные террористы смертельно ранили главнокомандующего чилийской армии генерала Рене Шнейдера. Напомним читателю, что генерал Шнейдер занял свой пост в связи с подавлением мятежа генерала Вио. Шнейдер был известен в стране как конституционалист, решительный противник вмешательства армии в политическую жизнь Чили и сторонник признания победы Альенде. Расчет убийц был прост: они надеялись таким образом спровоцировать армию совершивший переворот, захватить власть и аннулировать результаты выборов. Все это подтвердилось, когда расследование выявило не только имена убийц, но и тех, кто стоял за их спиной. Их руководителем был генерал Вио, действовавший с ведома и согласия президента Фрея. Собеседник Вио, генеральный директор карабинеров Уэрта Селис показал впоследствии суду, что он обо всем информировал свое непосредственное начальство, а именно — министра внутренних дел Рохаса. Другой заговорщик — Давила Вастеррика — заявил: «Могу сказать, что некоторые члены правительства знали о готовящемся государственном перевороте и лично были согласны с его проведением, считая, что он разрешит проблемы сложного периода в жизни страны»²⁵.

В день покушения убийцы на семи машинах перекрыли дорогу, по которой направлялся в министерство обороны генерал Шнейдер, а затем расстреляли его в упор. В тяжелом состоянии, пронизанный четырьмя пулями, главнокомандующий армией был доставлен в госпиталь, где через два дня скончался, не приходя в сознание. Правительство немедленно объявило в столице и провинции Сантьяго осадное положение. Генерал Валенсуэла был назначен начальником зоны чрезвычайного положения провинции Сантьяго.

Но события пошли не по предусмотренному заговорщиками плану. 22 октября в обстановке чрезвычайной нервозности сенат одобрил статут конституционных гарантов, а 24 октября на объединенной сессии палаты представителей и сената было утверждено избрание Альенде президентом Чили.

Тем временем из Вашингтона продолжали раздаваться призывы преградить Альенде путь к власти. Победу Альенде на президентских выборах империалистические круги США восприняли как бедствие для американских интересов. Капиталовложения американских компаний в Чили превышали 1 млрд. долл. Эти компании, в частности «Анаконда», «Кеннекот», ИТТ, контролировали банки, производство меди, телеграфно-телефонную сеть и другие важнейшие отрасли национальной экономики. Американский журналист Джек Андерсон в середине 1972 г. опубликовал строго конфиденциальные и секретные документы монополистического концерна ИТТ, показывавшие вмешательство этой компании во внутренние дела Чили. Этот концерн является государством в государстве в самих США — он восьмая по объему капитала

²⁴ «Jornal do Brasil», 5.X.1970.

²⁵ Э. Лабарка Годдард. Чили, раскаленное докрасна, стр. 66.

мировая монополия, располагающая филиалами в 70 странах. Нынешний директор ИТТ Гарольд Дженнин получает самое высокое жалованье в мире — 812 тыс. долл. в год, в пять раз больше, чем президент США. В Чили ИТТ с 1930 г. (при Ибаньесе) имеет монопольную концессию сроком на 50 лет. За 40 лет своей деятельности она вложила в этой стране 28 млн. долл., получив прибыль в 360 млн. долл.²⁶

Документы, опубликованные Андерсоном, вызвали сенсацию в Америке, стали предметом разбирательства в сенате США. Они проливают свет не только на подрывную деятельность ИТТ в Чили, но и на античилийские действия американского империализма, целью которых было сперва добиться поражения Альенде на выборах, затем, в случае его победы, не допустить его избрания чилийским конгрессом, потом преградить ему путь в «Ла-Монеду» и, наконец, свергнуть его, если он все-таки станет президентом.

24 страницы памяток и писем, обнародованных Андерсоном, касаются только периода с сентября до начала ноября 1970 г. Они подробно рассказывают, как официальные представители ИТТ обсуждали между собой и с видными деятелями ЦРУ и государственного департамента, какими средствами можно помешать Альенде стать президентом Чили.

Как следует из этих документов, 14 сентября сотрудник ИТТ Д. Нил по указанию президента компании Дженнинга встретился с Вейки, советником по латиноамериканским делам государственного секретаря США, которому сообщил, что «ИТТ готова предоставить семизначную цифру» (т. е. минимум 1 млн. долл.) для финансирования либо политических маневров, либо военного переворота с целью воспрепятствовать приходу Альенде к власти²⁷.

17 сентября политические советники ИТТ и по совместительству агенты ЦРУ Хэл Гендрис и Роберт Береллиз сообщили из Сантьяго Говарду Джеррити, вице-президенту компании, что 15 сентября посол США в Чили Эдвард Корри получил директиву принять любые меры, за исключением прямой вооруженной интервенции «типа доминиканской», чтобы воспрепятствовать приходу Альенде к власти. Агенты предлагали усилить давление на Фрея и продолжать финансировать газету «Mercurio». Посол Корри, докладывали агенты, проявлял похвальную активность, требуя от Фрея действий. Он даже сказал президенту Фрею, чтобы тот не был тряпкой и «надел штаны».

В другом донесении эти же агенты сообщали, что 13 сентября встретились с Артуро Матте Ларрином, зятем Хорхе Александри и кандидатом в президенты на выборах 1952 г. Матте их заверил, что военные готовы не допустить Альенде к власти, но предпочитают конституционное решение (избрание конгрессом Александри), что «не исключает употребления насилия». Конечно, если удалось бы спровоцировать забастовки и беспорядки, это дало бы повод военным вмешаться. 29 сентября Джеррити докладывает Дженнингу о действиях американских компаний, направленных на создание экономической разрухи в Чили, — прекращении финансовых переводов, поставок запчастей, технической помощи и т. д. В тот же день другой агент сообщает в Нью-Йорк, что экономическое положение в Чили быстро ухудшается, цена эскудо по отношению к доллару после выборов упала на одну треть. Принимаются меры довести до банкротства несколько крупных сберегательных касс, что вызвало бы другие банкротства и, следовательно, взрыв недовольства. Безработица и массовое недовольство могут породить беспорядки, и это заставит военных действовать, с надеждой докладывал американский разведчик своему хозяину.

30 сентября Нил пишет Мерриаму докладную, в которой приводит данные о предоставлении Соединенными Штатами «помощи» и кредитов Чили для «предотвращения коммунизма». С 1961 по 1968 г. США выделили на эти цели 1136 млн. долл., а в 1969—1970 гг. — еще свыше 200 млн. долл. Нил сетовал, что эти миллионы не смогли «спасти» Чили от победы Альенде. 9 октября Мерриам доложил члену директората

²⁶ S. Allende. *Su pensamiento político*, p. 320.

²⁷ Документы цитируются по чилийскому изданию, осуществленному по личному указанию президента Альенде. В издании приводятся фотокопии секретных документов ИТТ, опубликованных Андерсоном, и их перевод на испанский язык. — «Documentos secretos de la ITT. Fotocopias de los originales en inglés y su traducción al castellano». Santiago, 1972.

ИТТ Маккоуну, бывшему директору ЦРУ, что, как сообщал ответственный работник американской разведки, продолжаются контакты с чилийскими военными для организации переворота и «предпринимаются усилия спровоцировать крайне левых на беспорядки, что создало бы нужные условия для военного вмешательства».

21 октября руководство ИТТ направило меморандум, в котором требовало от правительства США принятия жестких мер, применения всякого рода экономических санкций и репрессий по отношению к тем латиноамериканским странам, которые подобно Перу, Боливии и в ближайшем будущем Чили «обижают» американский капитал и проявляют «неблагодарность» к США, вложившим в Латинскую Америку за последние семь лет свыше 8 млрд. долл. Авторы меморандума настаивали на применении к Альенде, в случае его прихода к власти, различных экономических и политических санкций, с таким расчетом, чтобы он «не смог продержаться в течение решающих шести месяцев после его избрания».

Разведчики, диверсанты, финансовые акулы из ИТТ, как и их покровители из более высоких сфер, потерпели поражение. Они не смогли воспрепятствовать приходу Альенде к власти. Но они не сложили оружия. Для них война против Альенде только начиналась...

Между тем страна готовилась к церемонии вступления в должность нового президента. В Сантьяго съехались журналисты со всего света, и каждый стремился получить интервью у Альенде. Он принимал всех. Недостатка в острых вопросах не было. На них Альенде отвечал откровенно. Дольше всех — 75 минут — беседовал с ним мексиканский журналист Хулио Шерер Гарсия.

— Как Вы себя чувствуете? — спросил журналист.

— Оптимистом, который готов спокойно встретить любые превратности судьбы.

— Не будет ли влияние компартии доминирующим в Вашем правительстве?

— Этого не следует опасаться. У нас — многопартийное правительство. Впервые в истории континента оно основано на единстве христиан, миран, марксистов и независимых левых.

— Что Вы можете сказать об отношении к Вам армии?

— Наша армия носит профессиональный характер, она уважает конституцию и закон. Правда, в последнее время наблюдалось брожение в некоторых военных кругах. Так что благоразумнее было бы сказать, что в этой области могут произойти разные неожиданности.

— Что будут означать Ваш успех или поражение как президента республики?

— Моему поражению возрадуются повсеместно «гориллы». Наш же успех будет успехом народов Латинской Америки. Все это накладывает на правительство Народного единства особую ответственность ²⁸.

3 ноября в конгрессе состоялась передача власти новому президенту. Председатель сената надел на Альенде президентскую ленту — символ его новой власти. После чего Даниэль Вергара, коммунист, за день до этого назначенный заместителем министра внутренних дел, принял у нового президента присягу. Затем Альенде присутствовал в кафедральном соборе на торжественном богослужении, данном в его честь главой католической церкви кардиналом Раулем Сильвой Энрикесом. Из собора в сопровождении своих сторонников — руководителей партий Народного единства, профсоюзов, молодежных и студенческих организаций новый президент направился в «Ла-Монеду».

На улицах города было организовано народное гуляние. На Аламеде выступали народные ансамбли, народ танцевал, пел песни. В парках на 500 досках играли шахматисты в знак солидарности с новым президентом, любителем этой игры.

5 ноября состоялся грандиозный народный митинг победы на Национальном стадионе в Сантьяго, где Альенде перед 90-тысячной аудиторией своих сторонников выступил с большой программной речью. Его выступление передавалось по радио и телевидению на всю страну и по системе Евровидения на многие страны Европы. Президент, в частности, сказал: «Мы получили в наследие идеи таких борцов за независимость Чили, как Хосе Мигель Кэррера, Мануэль Родригес и О'Хиггинс, ко-

²⁸ «O Globo», 3.XI.1970.

горы боролись за свободу человека, равенство всех граждан, право народа самому определять судьбу родины. Мы считаем себя продолжателями начатого ими дела. Вместе с нами сегодня здесь как бы присутствует первый организатор чилийского пролетариата и основатель Коммунистической партии Чили Луис Рекабаррен. Большая заслуга в победе Народного единства в 1970 г. также принадлежит этим революционерам. От поколения к поколению передавалось горячее стремление построить в Чили справедливое общество. Теперь эта задача легла на нас. Впервые в мировой истории народ пришел к власти демократическим путем через выборы.

Строить новое общество — большая задача, но она выполнима, поскольку речь идет о справедливом обществе, в строительстве которого участвует весь народ. Своим трудом народ воплотит в жизнь горячие чаяния, осуществит им же разработанный план. Нет разрыва между народным правительством и народом, между президентом и всеми чилийцами. Мы исполнители народной воли. Перед трудящимися Чили открываются большие возможности, которые до сих пор сдерживались капиталистическим строем. Наше отставание вызвано зависимостью от монополий. При поддержке широких народных масс правительство способно покончить с нищетой и голодом, сделать культурные ценности достоянием всех. В этом и будет заключаться чилийская революция...»²⁹.

Окончание следует

²⁹ «Латинская Америка», 1971, № 1, стр. 224.